

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

СЕРДЦЕ БОГА

МОСКВА

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег

Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу
Пять строк из прошлого

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда

Три последних дня
Незримая связь
Джульетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков
Звонок с неизвестного номера
На один удар больше

Сериал

«Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Нырлящица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает
дважды
Смерть в изумрудных глазах

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры

Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы
Ведьма приходит по понедельникам

**Сериал «Римма и Паша Синичкин,
частные детективы»**

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах
Она исчезла
Ветер из рая

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности
Удаленная любовь

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

СЕРДЦЕ БОГА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 **Сердце бога : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.**

ISBN 978-5-04-239853-7

Виктория поняла — она не сможет жить дальше, пока не переломит несчастливую карму своей семьи. Ее мама никогда не выходила замуж, такая же судьба постигла и бабушку... С бабушкой вообще случилась трагическая история: едва родив, Жанна оставила ребенка родственникам и отправилась в Москву. Там она активно искала будущего мужа, пока ее поиски не остановили ударом ножа... В конце пятидесятых разворачивалась захватывающая космическая гонка двух сверхдержав: СССР и США. В эпицентре звездного соперничества оказался молодой инженер Владислав Иноземцев. Погрузившись в работу, он тщетно старался забыть о том, чем закончилась та злополучная вечеринка, на которой присутствовала его жена Галя и ее подруга Жанна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-239853-7

**Наши дни
Город Москва, столица России
Агент Сапфир**

Теперь не прежние времена. Совсем не то что с Марией — сколько тогда было предосторожностей при каждой встрече! Сейчас мы с Лаурой можем контактировать совершенно свободно — почему нет? На людях? — пожалуйста! Ходим с ней куда угодно. В кафе, рестораны. Были в Кремле, в Коломенском, на Воробьевых горах. Посещали Большой театр и «Современник». Хаживаем в кино — смотрим новые фильмы на английском.

Это потому, что удачно проработана легенда прикрытия. Лаура — американка, учительница английского, носитель языка, поэтому ее с распростертыми объятиями встретили на частных курсах «Ап ту Инглиш». Ей двадцать шесть — примерно как было мне в те баснословные года, когда мы познакомились с Марией.

Лаура ведет шесть групп — детей, подростков, взрослых. Плюс дает частные уроки: официально, с оплатой через бухгалтерию курсов — в том числе мне. Вот совершенно легальное обоснование для того, чтобы встречаться дважды в неделю. Остальные свидания обосновываются тем, что мы якобы подружились. Да мы и вправду подружились.

Я называю Лауру Ларой, в память о «Докторе Живаго». Она не возражает. Романа она (как и его хулите-

ли прежних дней) не читала, но кино любит. Вдобавок ей нравится, когда я декламирую ей по-русски стихи Пастернака.

Продумано, зачем мне на склоне лет вдруг потребовался английский: янки прислали приглашение разоблачить и прокомментировать документы, относящиеся к начальному периоду советской пилотируемой космонавтики. Документы хранятся в аэрокосмическом музее и Смитсоновском институте, в Вашингтоне, округ Колумбия, — американцы много их нахапали у нас в период безвременья, в начале девяностых. Поездка моя состоится через полгода, а пока я пользуюсь случаем подтянуть язык.

Иногда я рассказываю Лауре-Ларе байки из своего прошлого, из жизни космического конструктора, — то, что за давностью лет утратило статус строгой секретности. Например, как разбился советский пилотируемый корабль «Союз-один», в котором находился первый официальный мученик отечественной космонавтики, прекрасный парень Владимир Комаров. Тогда не открылись тормозные парашюты, и спускаемый аппарат с такой силой ударился о казахскую степь, что образовал воронку в несколько метров, а потом вдобавок загорелся. Все, что осталось от пилота, — небольшой обгорелый, спекшийся брусок. Потом фильм с кадрами этой жуткой обгорелой плоти показывали всем кандидатам на новый космический полет. Спрашивали: «А теперь вы по-прежнему хотите лететь в космос?» Но никто не отказывался.

Лара, когда я предаюсь подобным воспоминаниям, содрогается: «Какие жертвы! Ради чего?! За что они погибли? Зачем сгорел ваш Комаров? И задохнулись трое других русских, в семьдесят первом году, после экспедиции на станцию «Салют»? И два наших «шаттла» взорвались?! Двенадцать сгоревших заживо? Зачем?! К чему все эти жертвы?!»

Я отвечаю ей: «Странно слушать подобные речи от человека, который постоянно пользуется спутниковой навигацией. И регулярно звонит к себе на родину за океан — по космическим каналам связи. И смотрит по спутниковому телевидению любимый Ю-Эс-Оупен в прямом эфире».

— Я отдала бы все эти блага за единственную слезинку ребенка (про которого писал ваш Достоевский) — того, который оплакивал отца, ушедшего в полет и не вернувшегося.

Я вздыхаю.

— То был выбор самого отца. Ведь дело не только в спутниковой тарелке и прочих гаджетах. Космонавты и астронавты гибли не ради нашего комфорта. Они стремились, как сыны человечества, выше и дальше — за горизонт.

— По-моему, те, кто запускал первые спутники и летал на них, о высоких материях не думали, — возражает она. — Вы, советские, мечтали утереть нос нам, американцам. А мы — вам.

— Конечно, соревнование между двумя системами сыграло огромную роль в покорении космоса, — соглашаюсь я.

— А еще — девяносто процентов всех полетов, и наших, и особенно ваших, имело военное значение.

— Может, и девяносто, — поддерживаю я. — А может, и больше. Или меньше. Но благодаря тем полетам и тому, что с орбиты оказались видны пусковые комплексы ракет, не случилось третьей мировой войны. А мы ведь долго балансировали на самом краю. Бабах, по паре бомб и ракет с каждой стороны — и сейчас на месте моей Москвы и твоего Чикаго была бы радиоактивная пустыня.

Так мы препираемся с ней порой битый час. Я изо всех сил защищаю дело всей своей жизни — космос. Дискутируем мы на английском — она, великодержав-

ная шовинистка, русского принципиально не учит, знает только пару слов: «да», «спасибо», «дайте, пойджайлуйста» и «маршруютка».

Но надо отдать должное Лауриным кураторам из Лэнгли: общаться мне с ней интересно, даже подобие дружбы образовалось, и в те дни, когда мы не видимся, я начинаю по ней скучать.

Город М. (областной центр), Россия
Виктория Спесивцева

Недавно я поняла — ясно, как «Отче наш», — что не смогу жить и двигаться дальше до тех пор, пока не разберусь с проблемами моей собственной семьи. Пока, образно говоря, не пересдам карты. Не переменю, не перелицую собственную карму.

Ведь если семья вдруг несчастлива — это тянется долго. Порой — всегда. Обычно в неполных семьях вечно рождаются девушки. И каждая последующая словно повторяет судьбу своей матери — как мать, в свою очередь, воспроизводила карму бабушки. Сколько таких историй вокруг! Впечатление, что зависла над фамилией черная туча и все идет наперекосяк: девушки никак не могут выскочить замуж, а если вдруг выходят, ничего не получается с детьми. Или, наоборот, происходит залет — но безо всяких надежд на то, чтобы расписаться. Не успевает она увидеть две полосочки — а милого р-раз, и след простыл. Или, напротив, она обвенчана, и ей, после титанических усилий, удается забеременеть — и тут благоверный открывает свое истинное лицо: оказывается подлецом, или гулякой, или гулящим подлецом. Он съезжает с квартиры, и исчезает с горизонта, и не показывается, не звонит, не пишет, и даже не платит алиментов.

При любом варианте исход один. Молодая женщина брошена, ее дитя (обычно, как нарочно, девочка) болеет, ей ставят клеймо «несадовская» — и что прикажете делать, если необходимо ребенка лечить и поднимать, а ты одна и помощи ждать не от кого? Нанимаются няньки, и они оказываются алчными, глупыми, а самое главное — не любящими детей, и однажды это обстоятельство вскрывается (например, мамаша случайно видит, как воспитательница остервенело лупит дитятку). Разражается страшный скандал, няньку выгоняют, после долгих и отчаянных поисков находят другую, которая оказывается не лучше, чем предыдущая, а только хуже... Наконец ребенка (девочку) дотягивают до школы, однако уроки ей не даются, она связывается с дурной компанией — портвейн, а то и что похуже? — и классная руководительница вместе с участковым становятся в несчастной семье постоянными гостями... И такая дребедень (как писал Корней Чуковский) длится не то что целый день, а годы и поколения напролет.

Девочка вырастает, становится мамой, и у нее, в свою очередь, жизнь идет наперекосяк. Она тоже превращается в брошенку, растит в неполной семье дочурку — и та в точности копирует судьбу матушки: разбитая любовь, нежданная беременность, роды и дальнейшее воспитание в одиночку. А потом и третье поколение, глядишь, на подходе — и в нем тоже, словно плеер поставлен на бесконечный «repeat», возникают: мать-одиночка, отчаянный дефицит денег и любви, постоянная нехватка сильной руки и крепкого плеча.

Вот и наша семейка. Ведь я Спесивцева не по отцу — по матери. Мама моя никогда не выходила замуж. Мужчины в ее жизни, разумеется, имелись. В том числе мой отец. А вот мужья — нет. Равным образом и бабушка моя замужем никогда не состояла. А если

прибавить сюда судьбу прабабки Елизаветы, которая потеряла супруга в годы репрессий, и ее сестру, пратетку Евфросинью, умершую старой девой, — наследственность моя окажется очень настораживающей.

Вот потому-то я и решила: карму нашего семейства следует коренным образом изменить. Я просто кожей почувствовала: пора! Тем более что после шести месяцев совместного проживания мой бойфренд Ярик сделал мне официальное предложение. И я ответила, что принимаю его руку и сердце — но только ровно через год, в течение которого я надеялась выправить собственную судьбу и жизнь моих наследников — пусть многочисленным будет их племя, во веки веков!

Я считаю, что женские невзгоды, растягивающиеся на десятилетия и передающиеся из поколения в поколение (бабка — мать — дочь — внучка), начинаются с одного случая. В определенный момент господь (видать, глобально прогневавшись на семейку) обламывает ее, и потом она не поднимается, дрейфуя меж двух состояний: «плохо» и «очень плохо».

Размышляя над линией судьбы нашего семейства, над ее траекторией, я нашла, кажется, точку перелома (как говорят знатоки высшей математики). А если выразаться по-простому — облома. В нашей фамилии облом-перелом случился в конце пятидесятых — с моей бабушкой Жанной Спесивцевой. Вот только не знаю пока, какой конкретно момент ее короткой биографии следует считать поворотом на пути нашей семьи к кармическим невздам: то, что она родила, безмужняя, в возрасте семнадцати лет? Или спихнула ребенка (мою будущую мать) на прабабку Елизавету и бросилась в Москву поступать в вуз? Или то, что в столице слишком активно искала мужа, кочуя из постели одного красного молодца к другому? Или когда ее поиски остановили — в октябре пятьдесят девятого ударом ножа в самое сердце?

А дальше в жизни семьи происходило следующее: мать моя, Валентина Дмитриевна Спесивцева, тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года рождения, продолжала расти сиротинушкой. Воспитывалась попечением собственной бабушки (моей прабабки) Елизаветы и ее родной, бездетной и безмужней сестры-погодка Евфросиньи. Взращивали бабки внучку исключительно правильно, в строгих традициях — пятерки в дневнике, участие в учебных олимпиадах и посещение музыкальной школы. Парням и дурным компаниям воли маман не давала. На танцульки не бегала. В турпоходы или на школьные экскурсии по родной стране ее две строгие бабки-воспитательницы не пускали.

В семьдесят первом мать моя Валентина поступила на истфак нашего областного педвуза. Была даже выбрана комсоргом курса — но потом вдруг, отучившись два года, взбрыкнула: я, мол, не хочу быть скромной учителькой, ждет меня и манит иная стезя — журналистки, писательницы, путешественницы, международного обозревателя или телевизионного ведущего! Откуда взялась тогда эта фантазия, мамахен не рассказывала. Чего она тогда начиталась? Чего насмотрелась? Был ли это фильм «Журналист»? Или книга «Остановиться, оглянуться»? Или заграничный бестселлер «Вторая древнейшая профессия»? А может, на нее подействовала телепередача «Международная панорама»: «Солнце сияет над крышами Парижа, но это не радует простых французов: инфляция, безработица, безудержный рост цен... » Короче, в один прекрасный день моя юная мать Валентина Спесивцева вдруг забрала из тихого областного «педика» свои документы и рванула в Москву, поступать на журфак. И — благополучно провалилась. Она ведь даже не ведала, что требовалось иметь публикации, писать творческое сочинение... Но, видать, отрава вольной жизни глубоко проникла тогда в ее кровь — а может, подейст-

вовали сладкие миазмы вечно молодой и суетной Москвы. Сказался и мамашкин деятельный темперамент, и общительность, и, чего греха таить, еще не осознанная ею самой, но крепко бьющая в парней сексуальность.

Так или иначе, родительница моя приняла решение домой не возвращаться. Она осталась в Белокаменной и крепко скорешилась с журналистской средой. Ведь столичную околוגазетную плесень хлебом не корми, дай повообразить, пофорсить — оказать содействие рвущейся в профессию провинциалке, да прехорошенькой.

Шли застойные семидесятые. От времен мамашкиного покорения Москвы остались десятки разноформатных черно-белых снимков, сделанных профессионалами разного уровня мастерства (одна фотка — чуть ли не самим Плотниковым): продуманный фон, поставленный свет, а остальное доигрывала мамина прекрасная внешность: глаза, широко распахнутые, полные юного провинциального наива. Ее, как она впоследствии рассказывала, в купальнике и даже «ню» подбивали сниматься — однако времена были жестче нравом, чем сейчас, за изготовление «порнухи» (а фотка «без верха» запросто подпадала под категорию порно) можно было и за решетку угодить, поэтому Валентина моя Дмитриевна на подобные предложения не велась. В картонной папке с тесемками, посвященной ее молодости, среди отпечатков на фотобумаге сохранились две пожелтевшие вырезки — из газет «Советская промышленность» и почему-то «Воздушный транспорт». На обеих — изображение улыбающейся мамы, одна карточка — под рубрикой «Фотоэюд. Молодость», вторая — «Юное поколение Страны Советов».

Но столичные журналисты любовались мамочкиной блистательной внешностью недаром. Она и сама

оказалась не промах по части обустройства собственной жизни. Ее (как тогда называлось — *по благу*) пристроили учетчицей в отдел писем газеты «Советская промышленность». Во времена СССР (как она мне рассказывала) газеты уделяли постоянное и неусыпное внимание письмам трудящихся. Любое послание — графоманский бред, анонимный навет, слезная жалоба, малограмотный кроссворд, восторженный отклик, — присылаемое гражданами Страны Советов в адрес любого издания, регистрировалось в амбарных книгах, а затем передавалось конкретному сотруднику редакции для содержательного ответа или дальнейшей пересылки в адрес советских, партийных, профсоюзных и комсомольских инстанций. Требовалось ни одно письмо ни в коем случае не потерять и на каждое ответить, да в срок и со всею положенной вежливостью.

О том, насколько важны были для тогдашних СМИ читательские послания, свидетельствует одна из баек, рассказанных матерью. В газете «Советская промышленность», где она служила, проводили ленинский коммунистический субботник. Фактически это означало генеральную уборку помещений — с мытьем окон и выкидыванием из столов и шкафов ненужного барахла. Мусор и старые рукописи обычно складывали в крафт-мешки и впоследствии вывозили на свалку. Пикантность ситуации состояла в том, что письма читателей, приходившие в газету, обычно привозили с почты в точно таких же мешках. (Кстати, именно такими дозами — мешками каждодневно! — исчислялась в ту пору читательская корреспонденция.) И вот, под сурдинку, вместе с барахлом, во время субботника из отдела писем «Советской промышленности» выкинули два мешка с еще не распечатанными читательскими эпистолами!

Редактор отдела писем — облезлый сладкогубый Борис Исидорыч Костышевский — чуть с ума

не сошел от ужаса и горя. Потерять два мешка читательской корреспонденции! За такое можно было за просто партийный билет на стол положить и тепленького редакторского места лишиться! Борис Исидорыч немедленно схватил такси и бросился на свалку. Там он принялся щедро раздавать направо-налево мелкие купюры, и местные работяги к концу дня отыскали пропажу. И заверили, что ни одного письмишка не пропало! В редакцию Борис Исидорович вернулся пьяноватый и торжествующий, с мешками в обнимку — даже в багажник таксомотора положить их не решился, ехал вместе с ними на заднем сиденье.

Костышевский царил в своем отделе писем среди юных учетчиц — низшей редакционной касты с окладом девяносто рублей. Девушки занимались всей рутинной, начиная от распечатывания конвертов, регистрации писем в амбарных книгах, первичного прочтения и *рописи* (то есть распределения) по отделам редакции. Учетчицами служили, как правило, непоступившие абитуриентки или студентки-вечерницы журфака. Было их не менее пяти в самой заваливающей отраслевой газетенке, и они сильно оживляли хмурый журналистский пейзаж, являлись костяком местных комсомольских организаций и немало скрашивали производственный процесс заматерелым дядям-корреспондентам. Учетчицы бывали, как правило (если судить по моей маме), прехорошенькие, а ежели нет, то хотя бы молодые. Поэтому киты и асы журналистики в обмен — кто на поцелуй, кто на бутылку, а кто и на *отношения* — учили юных коллег уму-разуму. И девчонки перелопачивали письма рабкоров с периферии («Первые тонны продукции выдала саратовская обойная фабрика к юбилею Октября») и учились писать собственные «информашки».

Мамаша моя Валентина Спесивцева с азартом включилась в жизнь редакции. Вскоре и деньжата

у нее появились, и комнату в коммуналке, в самом центре Москвы, на улице Кирова¹, она приспособилась снимать. Вдобавок за год у нее накопился портфель заверенных ответсекон публикаций, предъявив которые маманя благополучно поступила на журналистику на вечерку.

Дальнейшая ее столичная жизнь впредсовалась в аршинный альбом вырезок из газет — именно так в прошлые, бескомпьютерные времена вели журналисты личные архивы. Я пару раз перелистывала альбомище — порыжелые от времени и клея страницы. Заметки матери постепенно становились все больше, все крупнее делались заголовки. А стиль статей не менялся, оставался в рамках дозволенного: «...В речи генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на заседании Политбюро ЦК КПСС... Тысячу рублей перечислила в Фонд мира бригада мебельщиков... Декадником работа молодых по укреплению берегов малых рек, конечно, не ограничивается...»

Однако мамочка моя была совсем не бесталанна, потому прорывались в ее статьях и ирония, и сарказм, и гнев:

«В проходной пропуска у меня никто не спросил. Впрочем, обычное требование прозвучало бы в данном случае насмешкой, потому как в двадцати метрах в бетонном заборе — дыра, в которую не то что человек пройдет, грузовик проедет...

...У хозяйственного магазина чернела очередь, и продавщица в синем халате поверх телогрейки выкрикивала: Эй, крайние! Не занимайте! Туалетка кончается!..»

...С этой столовой у меня были личные счета. Два года назад, будучи на М-ском комбинате, я рискнула в ней пообедать. А теперь...»

¹ Теперь Мясницкая.

За страницами старинного альбома оставалась неопи­санная ее молодая столичная жизнь: сес­сии на жур­факе; командировки по доживающей последние годы Стране Советов; газетная карьера — рост от учетчицы писем до старшего корреспондента; гулянки в редак­ции; любви, влюбленности, романы, романчики; антисоветские анекдоты и книги «Посева», размно­женные на ротаторе; коммунистические субботники, заканчивающиеся общей пьянкой и поцелуйчиками по углам — а то и чем покруче на съемных квартирах.

После одного такого коммунистического суббот­ника мамаша моя оказалась беременна мною. Ей тогда минуло тридцать. Шла середина восьмидесятых. Мужа до той поры у мамы не сыскалось. Чередой сменяю­щих друг друга возлюбленных по разным причинам (в основном из-за своей непроходимой женатости) в супруги также не годилась. В ту пору, если безмуж­ние женщины переступали тридцатилетний барьер, в их сердцах словно закипала гремучая смесь: мой по­езд уходит и надо хоть как-то его остановить! Пусть даже безнадежно отдать на заклятие собственную молодую жизнь — но хоть что-то ухватить, уцепить! Если не супруга, то хотя бы ребеночка! Мою мать так­же не миновала сия горячка. После нескольких, почти случайных, коитусов с моим будущим отцом она забере­менела и решила: буду рожать!

Моим батей оказался, на счастье, далеко не са­мый худший представитель мужского рода. Им стал тогдашний политический обозреватель «Советской промышленности» и член партбюро газеты Виктор Ефремович Шербинский, импозантный мужчина в импортных пиджаках и шейных платках, на двадцать пять лет старше матери, дважды женатый и отец двух дочерей, по возрасту годящихся моей мамочке в се­стры. Он сразу, узнавши, что мама забеременела, про­явил себя как благородный человек. Сказал ей: супру-

гу свою я не люблю, однако мне светит долгосрочная командировка в Париж, и потому совсем не пристало затевать семейные дразги. Давай, когда я вернусь из столицы моды и вина, года через три, мы вернемся к разговору о моем разводе и последующей женитьбе? Однако в любом случае ребенка я твоего будущего признаю, стану помогать тебе, сколько сил и здоровья хватит. Я позабочусь, чтобы у нашей дитятки все было — да лучше, чем у иного законного.

Мать повелась на сладкие речи политобозревателя, и с декабря одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого по июнь тысяча девятьсот восемьдесят седьмого наступает перерыв в ее публикациях, тщательно вклеенных в альбом с логотипом «Советская промышленность». Причина уважительная: декретный отпуск по случаю рождения меня. Отец мой, Шербинский — в ранней юности я это чувствовала, а незадолго до мамочкиной смерти узнала доподлинно, — обещаний своих не нарушил. Или *почти* не нарушил. В Париж со старой супругой убыл, однако мамуле изыскивал возможность помогать: невиданными для советских детей комбинезончиками, игрушками, молочными смесями, подгузниками фирмы «Памперс». Кружными путями, через верных людей, доходили папашкины передачи из столицы Франции до нашего областного центра. (Ведь как я родилась — мамуля обратно на родину мигрировала: под крылышко моей боевой прабабки Елизаветы и пратетки Евфросиньи.) Вдобавок в течение полутора лет родительница моя исправно получала от социалистического государства на мое прокормление семьдесят рублей ежемесячно плюс пенсия прабабки и пратетки. Тогда в СССР на эти деньги запросто можно было жить, да неплохо. Плюс регулярные подарки от отца — нашему женскому коллективу из четырех душ на пропитание и одежду хватало.

Оттрубив три года на родине Гобсека и Жоржа Дюруа, папаша мой ломать свою жизнь и делать мамаше предложение не стал — тем более ему светил новый срок в корпункте неподалеку от площади Звезды. Я осталась, как и следовало ожидать, в женском царстве: при мамке, прабабке и пратетке.

Вскоре я взросла до полутора лет, и собес прекратил платить детское пособие. И тогда мамаша оставила меня в М. на прабабку с сестрою и заново бросилась в Москву. Она повторяла свой первый побег в Белокаменную или убегание моей бабки Жанны Спесивцевой в столицу мира и социализма в середине пятидесятых.

Третья серия сериала «В Москву! В Москву!» в исполнении нашей семейки в конце восьмидесятых завершилась менее трагедийно, чем самая первая, хотя тоже весьма драматично — потому-то маме через два года снова пришлось вернуться в родные пенаты. (Но о том, что произошло с ней в Белокаменной в промежутке между восемьдесят восьмым и девяностым годом, я узнала гораздо позже, через двадцать лет.) А пока, в возрасте четырех годков, просто дико радовалась своею щенячьей детсадовской радостью, что мамочка вернулась и больше не собирается никуда уезжать.

А мамаша моя в ту пору переживала тяжелые дни. После испытаний, которым она подверглась в Москве (о них речь впереди), кляла, в одиночку и с местными друзьями, «партийную продажную свору» и «сиятельных лжецов, врагов перестройки».

Это не помешало ей устроиться в местную областную газету — шестнадцать лет стажа в центральной «Советской промышленности» послужили лучшей рекомендацией. Областные оппозиционеры заглядывали ей в рот — еще бы, штучка на крыльях ветра перемен прибыла из самой Златоглавой! И мама повелась на сладкие речи и медовые посулы доморощенных газетных либералов, организовала протестное движение против

самого главного редактора и обкома партии. Но вскоре случился путч девяносто первого года, обком партии приказал долго жить, а прогрессисты возглавили редакцию областного «Большевика», переименовали его в «Губернские ведомости» и дали маме самую хлопотную должность ответственного секретаря.

Довольно быстро выяснилось, что времена безнадежно изменились, и если раньше партия безропотно обеспечивала газету всем необходимым, начиная от бумаги и междугородней связи по сверхсрочному тарифу «пресса» и кончая «газиками» для разезда по районам, то теперь изданию понадобилось все перечисленное покупать. А для того — газету продавать, причем и читателям, и рекламодателям. А сего никто из новоявленных руководителей не умел. Пошли между ними раздоры, в результате которых мою мамашу, аккуратно во времена второго путча девяносто третьего года, выкинули из «Ведомостей» с самыми жесткими характеристиками, чуть ли не растратчицы и воровки.

Тут началась у нас тяжелая жизнь, и ее я своим детским умишком помню: как выпрашивала у мамочки купить хотя бы «Баунти» и как мне хотелось новое платье или прекрасную золотоволосую Барби (о которых я даже боялась заикнуться). Существовали мы тогда фактически на пенсии двух девяностолетних столпов семьи: прабабки Елизаветы и пратетки Евфросиньи. Вдобавок вскапывали огород, окучивали, боролись с колорадским жуком — и к зиме собирали мешков пять картошки, которые сосед дядя Вова затаскивал к нам на второй этаж. Хранили на застекленном балконе. После подъема картофеля мама с дядей Вовой тогда распивали разбавленный смородиновым соком спирт «Ройяль».

Однако потом, как я помню, маманя повадилась в Москву. Выезжала она туда с частотою раз в два-три месяца. Заблаговременно, чуть не за неделю, переставала пить, а курить старалась совсем мало. Начинала